

Елена КАМБУРОВА:

Культура песни просто уничтожена

Известия, - 2001. -
25 мар. - с. 7

На днях напротив Новодевичьего монастыря откроется Театр Елены Камбуровой. Возможно, здесь состоится премьера нового проекта певицы, режиссера и художественного руководителя этого театра — спектакля «Шумберт». Это будут музыкальные интерпретации на темы песен Шумана и Шуберта, своеобразный синтез различных стилей и направлений: классики, джаза, рока...

— Вам удалось создать свой театр, каким он будет? Какие задачи вы ставите перед собой?

— Хотелось бы расширить влияние такой песни, которую я проповедую — с хорошей поэзией, музыкой и ярким исполнением. У нас уже подготовлены два спектакля. Один из них — Юлия Кима «Патруль» с музыкой Владимира Дашкевича. Театр разделяется на две части. Камерный зал называется арт-кафе, здесь публика сидит за столиками. Такое есть во Франции, Польше, мы ничего нового не придумали. Словом, это место, где собираются единомышленники. Во втором зале, рассчитанном на сто тридцать мест, будут идти спектакли. Я надеюсь, что у нас будет выступать Саша Филиппенко со своими программами, Миша Козаков, Сергей Юрский. Самое главное, мне хочется, чтобы одним теплым домом стало больше в Москве. Ведь у меня есть своя аудитория...

— Расскажите о ней. Как она складывалась, менялась.

— На первых порах это были студенты Московского университета. Там была такая сильная энергетическая точка, такая жажда духовности! Особенно физики отличались любовью к лирике, это факт известный. Сейчас аудитория, конечно, меняется. Мы оказались в коммерческой ловушке. Какие бы спонсоры ни были, они не могут оплатить все расходы. В результате, как бы ни хотелось, не удается сделать билеты дешевыми. Например, пенсионеры уже не могут позволить себе такое удовольствие. На моих концертах очень много молодых людей. Кто они — не знаю, возможно, это сегодняшние студенты.

— Не сложно ли сейчас совмещать в себе одновременно и художественного руководителя театра, и актрису, певицу?

— Очень сложно! Приходится не только выбирать репертуар, исполнителей, репетировать, но и продумывать еще массу мелочей. Хотелось бы больше заниматься собой, у меня много нерализованных планов. Например, только что записала новый диск «Дорога», куда вошли мои люби-

мые песни на стихи Новеллы Матвеевой, Беллы Ахмадулиной, а впереди уже предстоит работа над новыми записями. Репертуар с каждым годом становится сложнее, глубже, и меня это радует. Из-за любви к Жаку Брелю и его «Дон Кихоту» появился, например, в программе мюзикл. Я начала двигаться, танцевать на сцене, что для многих было неожиданностью. Однажды Владимир Дашкевич принес «Реквием» на стихи Ахматовой. Он взволновал меня, увлек, я стала петь. Потом тот же композитор принес цикл песен на стихи Маяковского. Я поначалу шарахалась — дескать, не мое, не смогу, а потом взяла этот барьер.

— Настоящий шансонье считает себя хоть немножко поэтом.

— Вот мы с вами сидим на этой прекрасной аллее, сквозь резные листья винограда видна зеленая трава. Эту картину, которую написала природа, трудно сделать прекраснее. И это поэзия. Поэзию можно находить повсюду — в улыбках, глазах людей, просто в зеленой траве. Поэт — не обязательно человек, пишущий стихи, это умение смотреть на мир, чувствовать его.

— Что сбилось в вашей творческой судьбе, что — нет?

— Мне нелегко судить. Но грех Бога гневить, жаловаться. Хотя трудностей было немало. От моей первой сольной программы камня на камне не оставили. Это был шестьдесят восьмой год. В программе не было ничего «криминального». Просто не устраивали интонация, имена. Сегодня, например, к творчеству Таривердиева отношение абсолютно нормальное. А тогда это называлось «таривердиевщина». То, что я пела, прозвали «песни ни о чем». Это были композиции на стихи Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой, Юлия Кима... Сначала программу приняли «на ура». Потом, как водится, началось... Созвали расширенную комиссию из Министерства культуры и решили все в корне зарубить. Свой вклад в недоброе дело внес и певец Иван Суржиков. Он был тогда очень преуспевающий, с его мнением считались. Позже этот большой патриот эмигрировал

ВИКТОР АХЛЮМОВ

одним из первых. Он кричал на той самой комиссии: «Так началась Чехословакия, все пели свои песни, знаете, чем это кончилось!» Этот скандал как бы спроецировался на все последующее мое творчество.

— Тем не менее в народе долгое время жил миф о Елене Камбуровой как о комсомольской певице-патриотке...

— У меня в программе были «Гренада» и «Орленок», «Маленький трубач». Они-то и вызвали особый шквал отрицательных эмоций со стороны комиссии. Потому что я пела их не так, как было принято. «Орленок» — это песня просто о том, как в шестнадцать лет не хочется умирать. Я пела о мальчике с поэтической душой, который сражался за весь мир. Меня упрекали в пессимизме. На радио звучала только «Гренада». Песни, которые я записала, в том числе и «Маленький принц», очень долго «не шли», этих записей словно бы не существовало. А Роман Быков, пытаясь мне помочь, представлял меня комсомольской певицей. Может быть, так рождался миф...

— Раньше раздражала ваша яркая индивидуальность, желание идти своим путем, но сейчас у нас — свобода. Что она изменила для вас?

— Когда стали много говорить о свободе, то я, конечно, надеялась, что наконец многие мои песни и моноспектакли увидят свет, прозвучат в большом эфире. Но всем известно, что предоставленной свободой воспользовались люди далеко не самые талантливые, а просто пробивные, нахальные. Эта свобода сегодня в эфире обернулась для нас бедой. Культура песни просто уничтожена.

Татьяна ХАРЛАМОВА